

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ПРИЧЁТНОЙ ТРАДИЦИИ НА ЧЕРНИГОВЩИНЕ

ИРИНА МИРОСЛАВОВНА КОВАЛЬ-ФУЧИЛО

(Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского Национальной академии наук Украины: 01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4)

***Аннотация.** В статье проанализированы особенности бытования украинских похоронных причитаний на Черниговщине. Рассмотрены причины возникновения этого жанра в контексте обряда, подано их осмысление носителями традиции. Проанализированы особенности функционирования причитания в зависимости от похоронной ситуации.*

Материал для статьи — полевые записи автора в 2010 г. Исследуемый регион особенно интересен, поскольку характеризуется развитостью и сохранностью бытования причитаний. Степень важности причитания в тексте похоронного обряда определяется похоронной ситуацией: причитаний тем больше, чем тяжелее потеря для близких.

Для понимания значения причитаний в контексте обряда рассмотрено их бытование в нетипичных ситуациях, например, похоронный обряд без священника или похоронный обряд без родственников. В первом случае причитания заменяли чтение Евангелия по дороге на кладбище. Это свидетельствует о том, что оплакивание воспринималось не только как выражение особенного эмоционального состояния, но имело и высокий сакральный статус, что позволяло заменять ими церковный обряд погребения.

В статье проанализировано бытование причитаний в контексте бинарной оппозиции «громко — тихо». Наблюдается определенная градация силы, эмоциональности исполнения и соответственно влияния причитания на слушателей: чем жалостливее, трагичнее исполнение, тем сильнее эмоциональное воздействие на присутствующих.

Мотивацией для возникновения причитания является психическая потребность «выкричать» свое горе через потерю близкого человека. Кроме чувства сожаления, существуют и мотивировки магического характера, которыми объясняется потребность и даже необходимость в исполнении причитания. Самой неожиданной оказалась возможность иметь так называемую «негласную ложку»: если кто-то будет хотя бы немножко причитать по умершему и сохранит ложку, которой кушал умерший, то она будет помогать в хозяйстве. Еще одной магической мотивировкой причитания является представление о том, что умерший заслужил, чтобы по нему причитали.

***Ключевые слова:** украинские причитания, причётная традиция, похороны, гробовщик.*

Виюне — июле 2010 г. в рамках экспедиции Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Украины нами были записаны тексты причитаний, а также собраны интересные традиционные объяснения жителей Черниговщины о бытовании причётной традиции в их регионе. Анализируя

бытование погребальных причитаний, я предлагаю использовать термин «причётная традиция». Причётная традиция — это зафиксированные и потенциальные тексты похоронных причитаний, весь комплекс представлений и верований, связанных с исполнением этого жанра¹. Речь идет о представлениях, знаниях и верованиях

¹ Об этом также см.: [Алексеевский 2008, 40–42].

о том, почему и когда надо/нельзя причитывать; об исполнителях причитаний; о причинах, почему причитают / не причитают; регламентации исполнения причитания во время погребального обряда и после него; функционировании механизмов текстопорождения².

Ритуальное оплакивание умершего здесь называют *причитувати, галасить, приголошувати, приказувати, приплакувати*. Сохранность причётной традиции в этом регионе неслучайна — полевые исследования дают основания утверждать, что для местной традиции характерна высокая степень внимания к погребальному ритуалу вообще. Сами жители так говорят о похоронах: «*В нас великі похорони, страшно! По 100, по больше. Легше свадьбу адбувать. Дуже здорово треба платити, і подарки*» (Зап. от Валентины Ивановны Кравченко, 1940 г. р., с. Стольное, Менский р-н, Черниговская обл. Соб. И. Коваль-Фучило, 2010 г.)³.

Об особом значении похоронного обряда в традиционной культуре Черниговщины свидетельствуют, в частности, тщательные приготовления жителей к своим похоронам. Обязательный элемент таких приготовлений — «*похоронний вузол*» — полотенца, платки, покрывала, которые сохраняют, завязывая в один большой платок или полотенце. Их дарят людям («*радильникам*» и «*радильницам*» или «*труженникам*»), которые готовили тело к погребению, изготавливали гроб, готовили поминальный обед — словом, работали на похоронах. Приготовление такого узла известно и в других регионах Украины, но в этом регионе он особенно большой: «<Соб.: А е такє, що старші люди собі готують?> — Є, в мене вже все готове. <Соб.: Що туди входити?> — Вузол. І полотениця є... <Соб.: А скільки їх готують?> — 36-єро треба. І махрові, і лянії, і платки — 36. Покривало, простинь — под низ» (Зап. от Анны Ивановны Петровской, 1940 г. р., с. Козацкое, Бобровицкий р-н).

² Детально об этом см.: [Коваль-Фучило 2014].

³ Далее везде, кроме оговоренных случаев, записи сделаны автором статьи в Черниговской обл. в 2010 г. и хранятся в личном архиве автора.

⁴ Интересный пример сходного представления об обучении и умении причитывать находим в похоронной традиции Южного Урала: «*У одной женщины муж болел. Она знала, что он умрет. И она просила другую женщину научить ее причитывать, и дала ей за это баранье руно. А когда муж ее умер, эта женщина стала сама причитывать. Пошла она к той женщине, которая ее учила, и сказала: "Кумушка, кумушка, отдай мое руношко, беда пришла, я и вытье нашла"*» (Платонова К. А., 1936 г. р.)» [Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале 2008, 116].

Развитость и сохранность похоронной обрядности на Черниговщине дает богатый материал для исследования функционирования причитаний в контексте обряда.

Степень важности причитания в тексте похоронного обряда определяется похоронной ситуацией: причитаний тем больше, чем тяжелее потеря для близких. Это четко определяют сами информанты: «<Соб.: А голосять в вас в селі за покойником?> — *Ой! Ну як оце, примером, умре тітка Люся. Уже 93 годи. Ну, заплаче син, усе, а не дай Бог, що трагічне, да молоде вмирає — і голосять, і кричать!*» (Зап. от Л. Новак, 1936 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженский р-н). Решающей причиной исполнения причитания оказываются родственные связи причитальщицы с умершим (об этом см. также: [Микитенко 2010, 40]). Сами носители традиции определяют данную связь как своеобразный источник вдохновения для причитальщицы: «*За своїм — дак воно придумляє, да плачеш, а як крепко вже такєе жалослівое, дак на могилах люди затикаюцца, невозможно. Так расстройиши, шо чуть дадому прийдеш*» (Зап. от К.И. Бородиной, 1936 г. р., с. Мньов, Черниговский р-н); «*Воно само пудсказує*»⁴ (Зап. от О. Ткачук, 1941 г. р., с. Большая Клелівка, Ниженский р-н). В ситуации тяжелой потери, когда близкие много причитают, причитания «вытесняют» другие элементы обряда, делают их менее значимыми, второстепенными: «*До такой істерики кричать, що не можна нам співать даже!*» (реплика певчей о причитаниях, зап. от О. Ткачук). Для всех участников после таких похорон причитания становятся метафорой похоронного обряда, единственным воспоминанием и ассоциацией: «*Причитують свої поки заховають. Як умре — вони толькі ночью стихаються, да й похрипнуть, бедние із такого крику. Поки не заховають. Сидять над їм і причитують.* <Соб.: Дотепер можна почувти?> — *Да. Де такєе старе — не, а де молодее умре — дак совсем невозможно! <...> Ви б і*

самі не видержали — так би наплакались, що страх! Коли старого ховають, чи нема родствеників... а як такого, що род великий — да все причитують, дак нельзя просто ідти, бо так растроїшся, що самого у грудях так болить, що страх! <...> Прийдеши додому, а воно все крутиться так — не забуваєш!» (Зап. от К. И. Бородиной).

Особенно яркие воспоминания сохраниены в памяти пожилых людей о прошедших временах: *«Раніше, я пам'ятаю, в дитинстві, і в молоді роки, причитували над покійником. Я навіть на похорони боялася ходити, тому що ну настільки оці причитування діяли, що просто ридав там — як істерика наступала якась»* (Зап. от Веры Владимировны Зайченко, 1938 г. р., историка, урож. с. Мясяны Черниговского р-на, ныне — территория г. Чернигова). Таким образом, в воспоминаниях о похоронах причитания — самый яркий, эмоционально насыщенный момент, то, что запомнилось больше всего.

Чтобы глубже понять значение какого-либо действия, предмета, персонажа в контексте обряда, следует рассмотреть нетипичные ситуации, в нашем случае — нетипичные похоронные обряды. Подобной ситуацией является, например, погребение без священника, что часто случалось еще не в столь далеком прошлом. В этом случае причитания заменяли чтение Евангелия по дороге на кладбище: *«Коли несли тіло, зупинялися на кожному перехресті, якщо батюшка супроводжував, то він читав Евангелію, а бувало ж таке, що батюшки не було, тоді оці причитування. Хто-небудь із цих плакальниць обов'язково підходив причитував. На перехресті»* (Зап. от В. В. Зайченко). Это свидетельствует о том, что причитания воспринимались не только как выражение особенного эмоционального состояния, но имели высокий сакральный статус, что позволяло заменять ими церковный обряд погребения.

О значимости причитаний говорит и тот факт, что они считаются единственным способом для родных попрощаться с умершим в случае, если похороны последнего состоялись без их участия: *«Син в мене вмер, 44 годи. Я поехала із Кошелівки — не захватила — заховали його. Не успела. Кричала:*

Синочок рідненький!
Нащо ж ти мене покинув

Отут у далекому краю?
Всі тут, у Кошельовці,
А ти ось тут!
Аж під Естонією!
Ти в мене один-єдинственний був!
Кричала, із могили одтягали! Я ж поїхала,
а вони поховали. Поховали, я не побачила»

(Зап. от Л. Новак).

Такое прощание было типичным во время Великой Отечественной войны, когда матери и жены получали извещение о смерти сына, мужа и не имели другой возможности с ними проститься. Причитание становилось для близких неким замещением похорон: *«<Соб.: А як прийшло ізвещеніє про брата, мати плакала?> — Мати здорово плакала:*

Тепер, діточки,
Нема в вас братіка,
Нема нашого Василька,
Нема!

Може, ще що казала, я забуваюся» (Зап. от шептухи бабы Саши, 1933 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженский р-н).

Еще одной ситуацией нетипичных похорон, когда информанты сами вспомнили о причитаниях, были похороны во время голода в 1933 г.: *«Як був голод в 33-ім году, то вмирали батьки, матері, дітки оставалися малими. Приказували ж тоже тоді»* (Зап. от Татьяны Ивановны Жовтобрюх, 1935 г. р., с. Стольное, Менский р-н). Такое замечание очень важно, поскольку в то время в ситуации массовой гибели людей не было никаких похорон — их функцию брали на себя причитания.

Подвести итог разговору о значении причитания в контексте похоронного обряда можно репликой причитальщицы Анны Николаевны Чубовской, которая, по свидетельствам ее односельчан, очень красиво причитала и по отцу, и по матери и даже исполняла причитания для раньше приезжавших фольклористов, однако на мою просьбу отказалась причитать, сославшись на болезнь сына (что, кстати, является красноречивым примером магического значения причитаний). На вопросы о том, причитает ли еще в селе, Анна Николаевна ответила: *«Ну а як? То, кажуть, і не похорон, як дочки батька не оплачуть чи матки»* (Зап. от Анны

Николаевны Чубовской, 1937 г. р., с. Козацкое, Бобровицкий р-н).

Исполнение/неисполнение причитаний в контексте погребального обряда актуализирует бинарную оппозицию **громко** ↔ **тихо**: «Як тихо — наче й собі спакійно, а як уже крепко разбиваєцца да причитує, дак з могилок прийдеши — дак і сам ніякий, ніякусенький» (Зап. от К.И. Бородиной). Неисполнение причитаний ассоциируется с эмоциональным спокойствием, а причитывание — с расстройством чувств: «І тільки починається причитання, так починається плач» (Зап. от В.В. Зайченко). Если на похоронах никто не причитает — это тихие похороны: «**Тихо-тихо, нема голосінь у нас. Зараз ні. Ми з сестрою просто так...**» (Зап. от Валентины Васильевны Мошенець, 1952 г. р., с. Крупицполе, Ичнянский р-н), после них участники остаются спокойными, однако такой ход обряда все-таки нельзя назвать типичным: «<Соб.: Дотепер у вас є ці причети?> — Ну, мовчки не ховають. Мовчки — це хто уже як зуміє. Є хто, шо воно отут таки давить, а не можеш причитувать, а є таке, шо наче з письма читає, причитує, усе ж воно улажене» (Зап. от К.И. Бородиной). Эта оппозиция находит выражение не только в вербально-описательном тексте информантов о наличии/отсутствии причитаний во время похорон, но и для обозначения времени, когда нельзя причитать (во время агонии; приготовления тела; ночью; когда идет церковный обряд похорон; после погребения). И в том, и в другом случае второй член оппозиции выражен лексемами *тихо, тихонько, молча*. Важно, что этими же лексемами определяют этапы похорон, когда на самом деле люди не молчат — они разговаривают между собой, общаются, плачут, но отсутствие причитаний делает это время тихим, молчащим: «Моя мама на диванчику й умерла. І ще вона час полежала, щоб же її не схопить, хотя й буває й живое... Ну, тоді вже ночви внеслі. І сами ми вчатирах абмили, аделі. Ми нікого не гукали, а люди ж гукають. <Соб.: Отоді нема ніяких причетів?> — Ні, **тіха-тіха, тіха**»; «<Соб.: А вночі не причитують?> — Не. Вночі **тихонько** сидять, нельзя вночи» (Зап. от К.И. Бородиной); «І так матка — все, 10 минут. Я кажу: **“Тіха, хотя ж не стривожте”**. Щоб не стривожить, бо тоді ж трудно вмирать. Я кажу: **“Тихо, тихо, не шумить”**. І 10

минут — і мами нет»; «Абмили **тихонька, палажили**» (Зап. от К.И. Бородиной); «Раніше так не було, що виголошують промову. **Тихо**: **“Поминайте, люди добрі”**. Це значить — випили, закусили. **“Згадуйте нашого покійника”**» (Зап. от В.В. Зайченко); «Кались умре, то там борщ, каша, картопля, мо’, кисіль. І поспе. Сталов же так не вставлялі. Люди **тихенько** паабедали і пашлі» (Зап. от К.И. Бородиной); «<Соб.: А вже на кладовищі теж були ці причети?> — Там уже не було, там було прощання тихе уже» (Зап. от В.В. Зайченко).

Значительно интереснее и разнообразнее вербально-интонационное определение информантами первого члена оппозиции **громко** ↔ **тихо**. Для этой характеристики используют слова, которые описывают и состояние плакальщицы во время исполнения причитания (до такой истерики, крепко, здорово, как может, без сознания, как кукушка куковала, немножко), и в то же время состояние слушателей (*страх, страх, и грусть, страшно, Боже сохрани, ревище*). По сути, этими словами определено исполнение причитаний: «І больша сестра ше причитувала, і цяя, шо передо мною, а тая менша мовчки сиділа. Плакала, но мовчки сиділа. Є. Адні **кричать**, адні мовчки <...> плачуть да і всьо» (коллективный разговор, с. Козацкое); «**Причитують! Я страх причитала!**» (Зап. от К.И. Бородиной); «<Соб.: А за мамою як ви причитали?> — А за мамою — дак всі чотири <дочери>, дак **страх** було!» (Зап. от К.И. Бородиной); «<Соб.: А можна казати, що молоді не причитують, тільки старші?> — Ні, є такіє, шо молодіє так причитують, шо **страх і сум!**» (Зап. от К.И. Бородиной); «<Соб.: Дотепер можна почути?> — Да. Де такеє старе — не, а де молодее умре — дак **совсем невозможно!**» (Зап. от К.И. Бородиной); «<Соб.: То вона приказувала <причитала> так?> — Да, вона приказувала — **ой!**» (коллективный разговор, с. Козацкое); «<Соб.: А за мамою ви кричали?> — **Ой! Голосила**» (Зап. от Л. Новак); «**Так же вона поплаче, поплаче, а вона лежить, а з хати виносять — тоді вже таке ревище!**» (Л. Новак); «<Соб.: Як молодий, то більше кричать?> — **Боже храни!**» (Зап. от Л. Новак); «**В нас там одна — мати вмерла. І вона так плакала здорово, шо — ну, старшине!**» (Зап. от А.И. Петровской); «**До такой истерики кричат,**

що не можна нам співать даже» (Зап. от О. Ткачук); «От у свекрухи кричали, коли хоронили мого свекра. Там — дочка, **чуть не витягнула його даже із труни. Отака істерика**» (Зап. от Светланы, 1963 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженский р-н); «Та плакала, **як зозуля кувала вона, приказувала. Ну хіба я здумаю? Я так забуваюся...**» (Зап. от бабы Шаши); «<Соб.: А голосять в вас за померлими?> — **Хто як може — плаче-приказує**» (Зап. от Л. С. Костюк); «**За сестрою я трошки причитувала, таки ж вона одна в мене сестра**» (Зап. от Ульяны Моисеевны Воробей, 1922 г. р., с. Ведильцы, Черниговский р-н).

Здесь наблюдается определенная градация силы, эмоциональности исполнения и соответственно воздействия причитания на слушателей — чем жалостливее, трагичнее исполнение, тем больше расстройство присутствующих: «**І вона так плакала здорово, що — ну, старшине!**» (Зап. от А. И. Петровской).

Степень трагизма при исполнении причитания зависит от того, насколько тяжела потеря для причитальщицы, т. е. от психического состояния исполнительницы. В связи с этим выделяются два основных типа похоронных причитаний по эмоциональности исполнения. Условно их можно обозначить как *осмысленные*, т. е. продуманные, хорошо исполненные («**Є хто, що воно отут таки давить, а не можеш причитувати, а є таке, що наче з писма читає, причитує, усе ж воно улажене**» (Зап. от К. И. Бородиной) и *стихийно-эмоциональные* («без сознания»). Их различают и сами исполнительницы этого жанра. Так, Людмила Новак из села Большая Кошелівка рассказывает, что она по-разному причитала по сыну и по однокласснику сына. В первом случае — «**кричала, із могили одтягали!**», а во втором — «**Я так трошечки проплакала, так мені хотілося...**». Она же рассказывает, как причитала по отцу и матери: «**Батько вже вмер в 93 годи. Плакала, плакала, так уже ж не кричала, а за матір'ю — Боже, як плакала!** <...> **Хтозна як і казала. Як воно тоді жалосліво, як попало**» (Зап. от Л. Новак). Похожие соображения высказывала и исполнительница из села Мньов о причитаниях по мужу и по мужу сестры: «**Па сестриному ж не так будеш, як на свайом. Па свайом — дак воно одно до одного ж клеїться**» (Зап. от К. И. Бородиной).

Описание современного состояния украинской причётной традиции было бы неполным, если не вспомнить редкие, но важные реплики об осуждении причитаний. Чаще всего это связано как раз со стихийными причитаниями, когда в сердцах можно высказать такое, что в других случаях никогда не прозвучало бы при посторонних. Слушателям может не понравиться какая-то фраза: «**Єсть такі люди, як вмерла людина, то <...> балакає, що попало. А мені неприємно, що вона:**

Ой, да я ж тобі плаття нове купила,
Я ж тобі те...

Невже людина може жалить матір, чи там когось рідного, і в такі мінути думать проякесь плаття?» (Зап. от Елены, 1967 г. р., с. Мрын, Носовский р-н). Боязнь осуждения одна информантка объяснила нежелание причитать: «**Я вже восьмеро поховала. <Соб.: А ви за ними голосили?> — Чуєш, не голосила, а так плакала і всь. Приказувать — ще осудять, скажуть, що не таке. Я його оплакала. Серце у мене слабе**» (Зап. от Любви Сергеевны Костюк, 1938 г. р., с. Крупичполе, Ичнянский р-н), хотя все же призналась, что «**за сестрою голосила здорово**», потому что та рано умерла, оставив несовершеннолетних детей. То есть если чувство сожаления велико, то страх быть осужденной не является преградой.

Первой причиной, порождающей желание или скорее потребность причитать, является чувство сожаления по поводу смерти человека: «<Соб.: А не кажутъ, що треба приплакувать?> — **Хто каже? Воно само плачеться**» (Зап. от А. И. Петровской); «**Воно само пудказує**» (Зап. от О. Ткачук). Естественно, что такое чувство возникает по умершим близким, которых с причитальщицей соединяют родственные связи: «**Воно ж жалко — страх! Тоді калі живеш, поспориш, дак думаєш: “Я й плакать за тобой не буду”, а тоди вже так жалко, що страх і сум! Не то що жалко, ми <с мужем> ж прожили 45 год вместе — ну дак не буде жалко?! Жалка!**» (Зап. от К. И. Бородиной).

Кроме чувства сожаления (психологической мотивировки исполнения причитаний), существуют и мотивировки магического характера, которыми объясняется потребность и даже необходимость в исполнении причитания. Самой неожиданной

оказалась возможность иметь так называемую «*негласную ложку*»: если кто-то будет хотя бы немножко причитать по умершему и сохранит ложку, которой тот кушал, то последняя будет помогать в хозяйстве. Такое верование мы зафиксировали от двух информантов в с. Большая Кошелівка; в других селах оно неизвестно или о нем не хотят рассказывать. Женщины, которые рассказали об этом, потом долго говорили, что это выдумки, и не хотели вдаваться в подробности: «*Ну, треба щоб одна людина якась хоть трохи поголосила, щоб була, у нас кажуть, негласна ложка. А про що, я не знаю*»; «*А баби ще придумують, що щось вона, мо', помагає в халяйстві, так ото держуть в хаті од чогось. А хто його зна, ми не знаєм*» (Зап. от Л. С. Новак и Л. П. Падалки, 1918 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженский р-н). Существование этого верования неудивительно. Оно типологически близко многим верованиям и обрядовым действиям, цель которых — защитить живых от губительного влияния смерти (подробнее об этом см.: [Гузій 2007, 246–256]).

Еще одной магической мотивировкой причитания является представление о том, что умерший заслужил, чтобы по нему причитали. Основанием для такого вывода стала реплика Ольги Ткачук, которая сказала, что сильно причитала по неожиданно умершему мужу, хотя, может, он этого и не заслужил: «*А за дедом — я не знаю, що я кричала, я наче глашена тоді була: кричала, то казали, мо' дед і не заслужив, як я кричала. Кричала без сознання, он умер так раптово*» (Зап. от О. Ткачук).

Причитания не являются редкостью на обычных сельских похоронах на Черниговщине, хотя жанр этот сегодня и не столь распространен, как раньше: «*Якось вони (причитания. — И. К.-Ф.) вже*

відійшли. <Соб.: Зараз вже неможливо почувти?> — Можливо, може, не таке красномовне те причитання зараз, але бувають. Це треба, щоб людина була, яка... або тяга є до цього» (Зап. от В. В. Зайченко).

Как мы уже отмечали, исполнение причитаний считается настолько важным, что они могли вытеснять другие элементы похорон или даже в особых ситуациях замещать собой весь похоронный обряд, исполняя при этом ключевые функции (психоэмоциональную — потребность выразить, «выкричать» боль от потери близкого человека; сакральную — их исполняли вместо чтения Евангелия; магическую — верования о полезной в хозяйстве «негласной ложке»; психотерапевтическую — через причитание можно было примириться с умершим, извиниться перед ним⁵; консолидирующую — причитание вызывало плач присутствующих, которые таким образом становились участниками одного обряда). Однако в определенных случаях причитания исчезают из погребального обряда. Так как исключения из правил зачастую лишь дополнительно подтверждают эти правила, подобные ситуации стоит разобрать отдельно. С наиболее показательным случаем нетипичных похорон, где отсутствовали причеты, мы столкнулись в уже упомянутом в связи с «негласной ложкой» селе Большая Кошелівка.

В этом селе нам удалось познакомиться с людьми редкостной уже на сегодня профессии — гробовщиками, «*горобатерями*», как они себя называют. Михаил Семенович Лихута (1931 г. р.) и его сын Юрий Михайлович Сидорец (1957 г. р.) уже много лет делают гробы на заказ, так, например, Михаил Семенович — уже 35 лет. Для нас важно, что свое ремесло эти люди воспринимают как сакральное, они обладают

⁵ В этом отношении показателен комментарий В. В. Зайченко к причитанию, которое исполняла ее двоюродная сестра на похоронах матери В. В. (своей тетки): «<Соб.: А на похороні вашої мами ще хтось причитав?> — *Причитали. <Соб.: Хто?> — Сестра двоюрідна причитала. Ми з сестрою не причитали. <Соб.: То її тітка була. А не пам'ятаєте, як вона говорила?> — Вона в чімсь винна була перед мамою, тому що причитала так:*

Прости мені,

Може я щось була несправедливою.

<Соб.: А як вона до неї зверталася?> — Тіточко. Ну, в нас тіточко — нема, воно звучить тьоточка:

Тьоточко моя родненька,

Ти прости мені те, що я перед тобою виновата,

Та нехай же там тебе Господь пріме і мене ожидає,

Бо ж і мені уже багато годочков.

Да будем ми там з тобою мірно жити».

Таких примеров можно привести больше.

Плакальщиці Новак Людмила (1936 г. р.) и Падалка Лукерія (1918 г. р.), с. Б. Кошелівка. 2010 г. Ниженський р-н, Чернігівська обл. Фото автора

Lamenters Lyudmila Novak (born 1936) and Lukeriya Padalka (born 1918) from B. Koshelivka the village. 2010. Photo by the author

професійним знанням, недоступним простим людям. Так, наприклад, ці гробовщиці знають, якою розмір труни (гроба) повинен бути: «вона (труна). — *И. К.-Ф.)* *вопше йде — розмір один: метр вісімдесят довжини, ширина — в голові 80–90, в ногах 30–40. Но то по щільності людини. Ми ж знаємо вже в селі своїх людей»* (Зап. от Юрія Михайловича Сидорца, 1957 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженський р-н); знають, яке дерево взяти, щоб подольше зберегти тіло: «Дуб — так довше лежатиме» (Зап. от Михайла Семеновича Лихути, 1931 г. р., с. Большая Кошелівка, Ниженський р-н), щоб не було важко нести: «На віко треба такі дошки — тонішу, суху, щоб легше бабам нести. <Соб.: А віко (крышка гроба. — *И. К.-Ф.)* баби несуть?» — *А хто ж? В нас жінчини несуть. Мужчини таке не несуть»* (Зап. от М. С. Лихути). Им известно, что делать, чтобы черт не запрыгнул в свежвыкопанную могилу: «Могилу прикладається зразу ж хрестом. Дві лозинки ложаться. <...> Зверху ями, тільки викопали. Зразу дві лозинки навхрест укладається <...>, щоб чорт не заскочив туди» (Зап. от Ю. М. Сидорца). С этой же апотропейческой целью надо сделать крест лопатой, когда могила зарыта: «А коли закидається яма наверх, вже все, тож робиться хрест лопатою. То вже після того, як батюшка опечатав, зробив своє діло — робиться хрест, а потім вінками вкладається, квітами. Пошли поминать» (Зап. от Ю. М. Сидорца). Кроме этих секретов, гробовщик знает, как уберечь своих родителей от прежде-

временной смерти — он никогда не забьет гвоздя в крышку гроба перед погребением, если его родители живы: «Я ніде не забиваю гвоздя у труну. Кому-то отдаю. <Соб.: А як?» — *Не забивай. От у мене є батько, мати, такі вже старенькі — я не забиваю гроб, щоб раніше строку їх не забить.* <Соб.: То ви не добиваєте до кінця?» — *Добивають до кінця, но я молотка в руки не беру, я не забиваю. Гвозді в кришку я не забиваю.* <Соб.: А хто забиває?» — *Любий, хто-небудь, я — ні. Я не хочу своїх кидати. У мене їх двоє осталося* (Зап. от Ю. М. Сидорца). — *Я забиваю* (Зап. от М. С. Лихути). <Соб.: — Тому, що в вас вже нема?» — *Чого в мене нема? <Соб.: Ваших батьків.> — Так.*

Только гробовщикам в селе доверяют очень важное дело — опускать гроб в могилу, тем более что надо еще уметь правильно сложить (крестом на гробе) полотенца в могиле, на которых опускали гроб. Они не просто плотники — их можно назвать ритуальными специалистами. И именно эти люди отважились похоронить «чужого» человека, не имевшего родственников, которые могли бы взять на себя организацию похорон: «В нас такий случай був. Мишка ховали. Тут такий бездомний, ну, він жив в одній жінчині, но вона відказалась його ховати. Ховати нікому. Ну од того не одказуються, воше-то. Відказуваться не можна. Пішов, знайшов хлопців, поховали, 8 чоловік ховали, правда, батюшка був, усе. Прямо з морга привезли — і на кладбище» (Зап. от Ю. М. Сидорца). На таких

нетипичных похоронах, где нет родственников, а всю работу исполняют ритуальные специалисты, причитания не звучали ни на одном из этапов обряда.

Как можно интерпретировать эту ситуацию? На наш взгляд, она свидетельствует о том, что причитания на современной Черниговщине нужны для родных, они свидетельствуют о связи умершего с родными, причем не только живыми, но и мертвыми. Мотив обращения к мертвым на кладбище, когда процессия заходит туда, постоянный и очень важный, о нем вспоминали все информанты:

«Ти ж там зустрінешся з своїм родом,

Та вони ж тебе там привітять...

*У нас була традиція класти скатерку у гріб,
що там покійник як прибуде туди вже на
той світ, то він має зібрати весь свій рід за
цією скатеркою.*

Там же тебе всі зустрінуть,

Та ви ж там живіть друженько,

Передавай же їм усім привіт!»

(Зап. от В. В. Зайченко)⁶.

В описанном случае умерший был чужаком для местных жителей. Правильно похоронить его могли только люди, сведущие в этом сакральном деле.

Похоронные причитания на современном этапе — это всё еще необходимый и распространенный жанр в контексте погребального обряда. Разнообразие ситуаций, в которых приходится прощаться с умершим, свидетельствует, что причитания исполняются в определенное время, они обусловлены ходом обряда, сила и трагичность их исполнения зависят от тяжести потери для родных. Причитания могут вытеснять другие элементы обряда, заменять их, а в особых случаях замещать и сам обряд похорон. В случаях, если на похоронах отсутствуют родные и близкие умершего, причитаний не исполняют.

Литература

Алексеевский 2008 — Алексеевский М. Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 4. Сыктывкар, 2008. С. 36–45.

Гузій 2007 — Гузій Р. Б. 3 народної танатології: карпатознавчі розсліди. Львів, 2007.

Коваль-Фучило 2014 — Коваль-Фучило І. М. Українські голосіння: антропологія традиції, поетика тексту. Київ, 2014.

Микитенко 2010 — Микитенко О. О. Балканослов'янський текст поховального

оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. Київ, 2010.

Народні пісні на Дрогобиччині 2008 — Народні пісні сіл Гаї Верхні та Гаї Нижні на Дрогобиччині / сост. Л. Федоренко. Дрогобич, 2008.

Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале 2008 — Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: Сборник матер. фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского гос. университета (1993–2003 гг.) / сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск, 2008.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рильского НАН Украины: 01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4, +38 044 278 34 54; e-mail: koval-fuchylo@ukr.net

⁶ Еще один интересный пример обращения причитальщицы к раньше умершим родным во время похорон ее мужа, который был неместным. Женщина считает нужным просить своих покойников взять под опеку ее мужа, у которого на этом кладбище еще нет кровных родственников: «От у мене мама вмерла і сестрин чоловік, ну, дак я й кажу... а вони дружили з ним крепка, курили і дружилі. Дак я кажу:

Ти, Тьома, сам, тут тобі скучно,

Дак ти мого забрав,

Дак а це тут гляді,

Бо он чужий,

Нема в його тут нікого,

Дак ти, хотя (кажу), гляді.

Передавай привіт і мамі, і Тьомі»

(Зап. от К. И. Бородиной).

FUNCTIONING FEATURES OF UKRAINIAN FUNERAL LAMENTATIONS IN CHERNIGIVSHCHYNA

KOVAL-FUCHYLO IRYNA

(Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology National Academy of Sciences Ukraine:
Grushevskoho st. 4, 01001 Kyiv, Ukraine)

Summary. *In the article we analyze the functioning features of Ukrainian funeral lamentations in “Chernigivshchyna” (the district of Chehnygiv). Reasons of origin of this genre are considered in the context of ceremony, comprehension of tradition by its transmitters. The features of functioning of lamentation are analyzed depending on a funeral situation.*

Material for this article consists of the author’s field recordings in 2010. The investigated region is particularly interesting because of high development and the preservation of laments in oral functioning. The importance degree of the lamentations in the funeral rite context is determined with funeral situation: laments are performed more intensively when loss is heavier for relatives.

In order of understanding the lamentations significance in ritual context, we have considered their existence in unusual situations, such as funeral rites without priest or funeral rites without relatives. In the first case lamentations were replaced with reading of the Gospel audibly during the way to the cemetery. This indicates that mourning was perceived not only as an expression of particular emotional state, but has possessed high sacred status, it has been possible to replace a church burial ceremony with mourning.

The article analyzes the lamentations existing in the context of binary opposition loud — quiet. There is a certain gradation of emotional performance power and, accordingly, the lamentations effect on the audience — as more compassionate and tragic the performance turns to be, the deeper it affects upon present participants.

The motivation for the lamentations is the mental needs to weep out the grief of loved one loss. In addition to feelings of regret, there are magical motivations that explain the need and even the obligatoriness of performance of laments. The most unexpected was the ability to have a so-called “tacit spoon”: if someone will wail even a little and will keep the bygone’s spoon, it will help the household. Another lamentations magical motivation is the idea that the deceased deserves wailing over him/her.

Key words: *Ukrainian lamentations, lament tradition, funerals, coffin-maker.*

Literature

Alekseevskiy M. D. Funeral and Commemorative laments of the Russian North: Problems of Collection and the Current State of Tradition. *Actual Problems of the Field Work in Folklore Studies*. Issue 4. Syktyvkar, 2008. Pp. 36–45. In Russian.

Folk Songs of Higher Gai and Lower Gai the Villages of the Drogobych District. Comp. L. Fedoronko. Drogobych, 2008. In Ukrainian.

Funeral and Commemorative Traditions of the South Ural: Anthology of the Field Expeditions of the Folk Culture Laboratory of the Magnitogorsk

State University (1993–2003). Comp. by T. I. Rozhkova, S. A. Moiseeva. Magnitogorsk, 2008. In Russian.

Guzij R. B. From Folk Thanatology: Carpathians Studies. Lviv, 2007. In Ukrainian.

Koval-Fuchylo I. M. Ukrainian Laments: Anthropology of Tradition, Poetics of the Text. Kyiv, 2014. In Ukrainian.

Mykytenko O. O. Balkan Slavic Text of the Funeral Lamentation: Pragmatics, Semantics, Ethno-poetics. Kyiv, 2010. In Ukrainian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: koval-fuchylo@ukr.net

Tel.: +38 044 278 34 54;

Grushevskoho st. 4, 01001 Kyiv, Ukraine;

PhD (Philology), senior researcher, Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology National Academy of Sciences Ukraine

---